

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-22-33

Политический курс Такаити Санаэ в отношении КНДР

Домахина Юлия Андреевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу политики Японии в отношении КНДР при администрации премьер-министра Такаити Санаэ. Первостепенной задачей японского правительства на этом направлении по-прежнему остаётся сдерживание так называемой северокорейской угрозы в свете планомерного роста ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна. При этом ракетно-ядерная программа КНДР становится устойчивым элементом стратегического планирования Японии и используется как фактор обоснования расширения оборонных возможностей страны. В региональном измерении политика Такаити отличается укреплением координации по проблеме КНДР с Вашингтоном и Сеулом. Автор исследует динамику развития оборонного сотрудничества в формате треугольника Япония–США–РК, которая демонстрирует тенденции к дальнейшему углублению. Во главу угла дипломатической повестки на северокорейском векторе Такаити ставит вопрос о судьбах похищенных японских граждан и выдвигает инициативу о личной встрече с Ким Чен Ыном. Несмотря на формальную открытость японского руководства к диалогу, перспектива проведения японо-северокорейского саммита маловероятна, что связано с различиями в понимании сторонами рамок переговорного процесса. Автор приходит к выводу, что для курса Такаити Санаэ в отношении Северной Кореи характерен подход «давления и диалога», в котором силовое сдерживание преобладает над дипломатической составляющей.

Ключевые слова: Япония, Северная Корея, США, Республика Корея, Такаити Санаэ, ракетно-ядерная программа, проблема похищенных японцев.

Автор: Домахина Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0007-3182-8934. SPIN-код: 3533-1598. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Для цитирования: Домахина Ю.А. Политический курс Такаити Санаэ в отношении КНДР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 22-33. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-22-33

Takaichi Sanae's political course towards North Korea

Domakhina Yulia A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes Japan's policy towards the DPRK under the administration of Prime Minister Takaichi Sanae. The primary objective of Japanese government on this track remains containing the so-called North Korean threat in the light of the systematic growth of Pyongyang's nuclear missile potential. At the same time, the DPRK's nuclear missile program is becoming a stable element of Japan's strategic planning and is being used as a justification for expanding the country's defense capabilities. At the regional level, Takaichi's policy is notable for strengthening coordination on the DPRK issue with Washington and Seoul. The author describes the dynamics of defense cooperation within the Japan–USA–ROK triangle, which shows signs of further deepening. Takaichi prioritizes the abduction issue on the diplomatic agenda and puts forward the initiative for a personal meeting with North Korean leader Kim Jong Un. Despite the formal openness of the Japanese leadership to dialogue, the prospect of a Japan–North Korea summit is unlikely, due to the different views of the parties on the framework of the negotiation process. The author concludes that Takaichi Sanae's policy towards North Korea is characterized by two-track approach of pressure and dialogue, in which deterrence prevails over diplomacy.

Keywords: Japan, North Korea, US, Republic of Korea, Takaichi Sanae, nuclear missile program, the Japanese abduction issue.

Author: Domakhina Yulia A., Junior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-3182-8934. SPIN-code: 3533-1598. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 “Japan in the Asia-Pacific region: politics, security, economy”).

For citation: Domakhina Yu.A. (2026). Politicheskiy kurs Takaiti Sanae v otnoshenii KNDR [Takaichi Sanae's political course towards North Korea]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 22-33. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-22-33

Введение

В официальной позиции правительства Японии северокорейский вопрос напрямую связан с обеспечением национальной безопасности и рассматривается как приоритетное направление внешней и оборонной политики. В её основе лежат подходы Токио к таким проблемам, как продолжающаяся модернизация северокорейской ракетно-ядерной программы и нерешённая проблема похищенных японских граждан.

Центральное место во внешнеполитическом курсе Токио на северокорейском направлении продолжает занимать проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР. Белая книга по обороне Японии за 2025 г. отражает изменение характера «угроз», исходящих от КНДР. Акценты в документе сделаны на развитии Пхеньяном баллистических технологий, системы спутникового слежения, на участившихся испытаниях ракет различных классов, в

том числе гиперзвуковых. Подобные действия рассматриваются Японией как «прямая угроза национальной безопасности и вызов для всего Азиатско-Тихоокеанского региона, обстановка в котором всё больше обостряется»¹. Особо острый характер так называемая северокорейская угроза приобретает в свете участвовавших ракетных испытаний Пхеньяна, которые нередко проходят в непосредственной близости от японской территории. В период 2017–2025 гг. случаи пролёта северокорейских ракет над японским архипелагом сопровождались активацией системы раннего предупреждения J-Alert, что вызвало резонанс внутри японского общества. В связи с этим северокорейский ракетно-ядерный потенциал занимает значимое место в повестке безопасности Токио.

Вместе с тем руководство Японии вынуждено учитывать происходящие трансформации в системе региональной безопасности. Токио глубоко обеспокоен укреплением связей между КНДР, Китаем и Россией, рассматривает сотрудничество трёх стран как «тревожный сигнал». В аналитическом докладе Национального института оборонных исследований Японии отмечается, что «фактический альянс Москвы, Пекина и Пхеньяна» создаёт угрозу безопасности с трёх сторон. Кроме того, японские эксперты подчёркивают, что в условиях обострения отношений между Токио и Пекином северокорейские власти стремятся использовать геополитическую турбулентность для «продвижения ракетно-ядерных амбиций и укрепления своих позиций в регионе»².

В фокусе внешней политики Японии остаётся насущной проблема похищений японских граждан спецслужбами КНДР в 1970–80-х гг. В Синей книге по дипломатии за 2025 г. проблема похищенных японцев рассматривается не только с точки зрения гуманитарного аспекта, но и в контексте национальной безопасности. В документе отмечается, что проблема похищений представляется не только «примером нарушения основных прав человека», но и «важнейшим вопросом, касающимся суверенитета Японии, жизни и безопасности японских граждан», решение которого – одна из приоритетных задач японского руководства³. С точки зрения Токио, вопрос о похищенных японцах наряду с ракетно-ядерной программой КНДР является камнем преткновения на пути к нормализации двусторонних отношений [Гринюк 2006]. На протяжении десятилетий спектр данных проблем задаёт направление политики в отношении Пхеньяна. При действующей администрации Такаити Санаэ северокорейский вектор политики Японии характеризуется сочетанием прежних подходов с формированием новых тенденций, обусловленных требованиями региональной безопасности.

¹ Defense of Japan 2025 (Annual White Paper). Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: Jan 21, 2026).

² Japan government report expresses alarm at 'new world order' of these three ally nations. *Independent*, Nov 20, 2025. URL: <https://www.independent.co.uk/asia/japan/japan-new-world-order-north-korea-russia-china-b2868791.html> (accessed: Feb 10, 2026).

³ Diplomatic Bluebook 2025. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100866935.pdf> (accessed: Feb 12, 2026).

Подходы администрации Такаити Санаэ в отношении Северной Кореи

Такаити Санаэ, представляющая консервативное крыло японской политики, опирается на давно сложившуюся в правительственных кругах линию в отношении КНДР [Стрельцов, Нака, Нелидов 2025]. Ключевым приоритетом для японского правительства по-прежнему остаётся обеспечение национальной безопасности в свете ракетно-ядерной «угрозы», исходящей со стороны Северной Кореи. Как и её предшественники, Такаити категорически отвергает ракетно-ядерную программу КНДР и выражает приверженность полной денуклеаризации Корейского полуострова. При этом в риторике Такаити появились новые акценты. В одном из публичных выступлений премьер-министр прямо назвала Северную Корею «ядерным государством»⁴, что противоречит официальной позиции Токио о непризнании ядерного статуса КНДР. Факт подобного заявления весьма показателен. Он отражает не изменение официальной позиции японского правительства, а более трезвое восприятие сложившейся ситуации в области региональной безопасности. Такаити хорошо осознаёт, что игнорировать растущий ракетно-ядерный потенциал КНДР на сегодняшний день невозможно, а потому в практической политике японского руководства учитывается реальный характер так называемой северокорейской угрозы.

Основные столпы политики администрации Такаити в отношении КНДР включают:

- 1) развитие Японией собственного военного потенциала в свете усиления ракетно-ядерной «угрозы» со стороны Пхеньяна;
- 2) укрепление сотрудничества в области безопасности по линии Токио–Вашингтон–Сеул;
- 3) формальную установку на достижение диалога с северокорейским руководством.

По мере расширения ракетно-ядерных возможностей КНДР в политике Токио в сфере безопасности наблюдаются непрерывные изменения. Период последних лет определил новый вектор японской оборонной политики, в котором оформился переход от исключительно оборонительной стратегии к практической реализации концепции «проактивной обороны» [Matsuda 2023]. С приходом к власти Такаити обозначились тенденции к более напористому и ускоренному курсу на пересмотр послевоенной политики Японии в области безопасности.

Заняв должность премьер-министра, Такаити Санаэ подтвердила намерение продолжать развитие японского военного потенциала, заявив, что цель по увеличению военных расходов будет достигнута досрочно – уже к марту 2026 г., и инициировав пересмотр ключевых документов в сфере безопасности. После победы ЛДПЯ на досрочных парламентских выборах в феврале 2026 г. Такаити вновь пообещала пересмотреть основные документы в области безопасности, ускорить наращивание военного потенциала страны, смягчить ограничения на экспорт вооружений и создать «национальный разведывательный совет» под своим руководством. Необходимость подобных преобразований лидер объяснила тем, что Япония сталкивается с «самой серьёзной и сложной обстановкой в сфере безопасности в АТР» со времён Второй мировой войны, указав на «расширение военной

⁴ Премьер Японии назвала КНДР ядерной державой. *РИА Новости*, 27.01.2026. URL: <https://ria.ru/20260127/yaponiya-2070456514.html> (дата обращения: 30.04.2026).

активности Китая, ракетные и ядерные возможности Северной Кореи, углубление связей между Пекином, Москвой и Пхеньяном»⁵.

Инициативы Такаити получили практическую реализацию в апреле 2026 г., когда правительство Японии одобрило поправки «Трёх принципов передачи оборонного оборудования и технологий». Этот шаг предоставляет возможность экспортировать все виды вооружений (в том числе летательные) в 17 стран, с которыми Японию связывают подписанные соглашения в области обороны. Иностранные аналитики отмечают, что выход на мировой рынок вооружений позволит Японии расширить партнёрские отношения в сфере безопасности и «получить рычаги влияния при планировании действий в случае непредвиденных обстоятельств». Помимо этого, пересмотр политики в области экспорта вооружений повышает роль Японии в АТР, «где страна теперь выступает в качестве активного участника сдерживания»⁶.

Происходящие при администрации Такаити изменения в оборонном законодательстве необходимо рассматривать шире, чем ответ на текущие угрозы безопасности в регионе. Они являются частью постепенного изменения японской стратегической культуры и отражают ускорившийся отход Японии от приверженности пацифизму. В обозримой перспективе принятые инициативы могут стать почвой для перехода к коренным преобразованиям японской послевоенной оборонной политики, включая пересмотр 9-й статьи Конституции, о возможности которого Такаити ранее заявляла на съезде ЛДПЯ 12 апреля 2026 г.

В контексте эволюции японской политики в области безопасности фактор КНДР выполняет две функции. С одной стороны, Япония воспринимает ракетно-ядерную программу Пхеньяна и участвовавшие ракетные испытания как реальную угрозу. С другой, так называемая северокорейская угроза выполняет роль фактора формирования общественного мнения и консолидации общества: японское руководство, объясняя необходимость изменения оборонного законодательства, ссылается именно на растущие проблемы безопасности, среди которых ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна занимает одно из центральных мест. Сразу после того, как в марте 2026 г. КНДР осуществила запуск более десяти баллистических ракет в сторону Японского моря, японская газета *Yomiuri Shimbun* провела опрос общественного мнения, согласно которому 56% респондентов рассматривали Северную Корею как «угрозу национальной безопасности», а 74% опрошенных положительно отнеслись к укреплению оборонных возможностей Японии⁷.

По мнению экспертов, мотивацией к обретению Японией большей независимости в обеспечении собственной безопасности стал повторный приход Дональда Трампа к власти в США [Кистанов 2025]. Существующая настороженность в отношении администрации

⁵ Policy speech by Prime Minister Takaichi Sanae to the 221st Session of the Diet. *Prime Minister's Office of Japan*, Feb 20, 2026. URL: <https://japan.kantei.go.jp/105/statement/202602/20shiseihoshin.html> (accessed: Mar 10, 2026).

⁶ Pitassi M. Japan's shift from the Yoshida Doctrine to the Takaichi Doctrine: the start of the Japanese active deterrence Asia Pacific diplomacy and security. *BISI*, May 13, 2026. URL: <https://bisi.org.uk/reports/japans-shift-from-the-yoshida-doctrine-to-the-takaichi-doctrine-the-start-of-the-japanese-active-deterrence> (accessed: May 17, 2026).

⁷ 62% want to be among safest countries in the world. *The Yomiuri Shimbun*, Mar 27, 2026. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/society/general-news/20260327-318828/> (accessed: Apr 27, 2026).

Трампа, вызванная тарифной политикой американского лидера⁸, его пренебрежением к многосторонним институтам сотрудничества и непредсказуемостью в принятии внешнеполитических решений, углубляет недоверие Токио относительно того, что Вашингтон готов выполнить свои гарантии безопасности при любых обстоятельствах. Тем не менее, американо-японский альянс сохраняет ключевое место в контексте сдерживания КНДР, поскольку именно американский фактор остаётся основой системы безопасности Японии в западной части Тихого океана [Bradford 2021]. В условиях роста ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна расширение японо-американского сотрудничества подразумевает конкретные механизмы противодействия: проведение совместных военных учений, поддержание санкционного режима, модернизацию военного сотрудничества, развитие совместной сферы противоракетной обороны.

В то же время Япония тесно согласовывает свой курс на северокорейском направлении с Республикой Корея. Связующим звеном координации усилий в отношении КНДР для Японии при администрации Такаити остаётся треугольник Токио–Вашингтон–Сеул [Кистанов 2026]. После прошедшего в августе 2023 г. саммита в Кэмп-Дэвиде, в ходе которого треугольник получил институциональное оформление, союзники определили сдерживание Пхеньяна в качестве одного из основных направлений сотрудничества. Это обязательство осталось неизменным даже после возвращения к власти Трампа и смены южнокорейской администрации, поскольку стороны продолжают последовательно подтверждать «общую приверженность полной денуклеаризации Северной Кореи»⁹.

Спустя почти три года с момента встречи в Кэмп-Дэвиде сотрудничество в рамках треугольника демонстрирует устойчивую динамику. Практическую реализацию получила инициатива по внедрению механизма обмена данными о северокорейских ракетных запусках в режиме реального времени, активизировались регулярные встречи глав внешнеполитических и военных ведомств трёх стран. Значительную трансформацию претерпели совместные военные учения: с июня 2024 г. Токио, Вашингтон и Сеул приступили к проведению серии трёхсторонних манёвров Freedom Edge, главной особенностью которых стала интеграция воздушных, морских и киберопераций. По заявлению сторон, совместные манёвры направлены на «укрепление оперативных возможностей трёх стран, отработку сценариев реагирования и усиление сдерживания ракетно-ядерной угрозы, исходящей от КНДР»¹⁰.

Между тем главные опасения Пхеньяна связаны именно с наращиванием военного присутствия США и их союзников в районе Корейского полуострова [Жебин 2025]. После проведения третьего раунда Freedom Edge в сентябре 2025 г. ЦТАК опубликовало два заявления высокопоставленных северокорейских чиновников. В одном из них директор департамента ЦК ТПК Ким Ё Чжон (сестра Ким Чен Ына) отметила, что «безрассудная

⁸ Парамонов О.Г. «Японский кульбит» Ли Чжэ Мёна: стратегия или тактика? *Международная жизнь*, 25.06.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51986> (дата обращения: 27.05.2026).

⁹ Japan-ROK summit meeting. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Jan 13, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/pageite_000001_01454.html (accessed: Apr 30, 2026).

¹⁰ US, ROK, Japan to hold multi-domain drills against North Korea, first under Lee. *NK News*, Sep 5, 2025. URL: <https://www.nknews.org/2025/09/us-rok-japan-to-hold-multi-domain-drills-against-north-korea-first-under-lee/> (accessed: May 5, 2026).

демонстрация силы, которую США, Япония и Республика Корея проявляют вокруг КНДР, приведёт к негативным последствиям для самих союзников»¹¹. А заместитель председателя ЦВК ТПК Пак Чон Чхон заявил, что «агрессивный характер военных учений представляет серьёзную угрозу безопасности КНДР и большие риски подрыва региональной стабильности», и предупредил, что в том случае, если «США и их союзники продолжат демонстрировать безрассудные военные действия, Пхеньян ответит контрмерами в усиленной форме»¹².

Сложившаяся обстановка в районе Корейского полуострова укрепляет уверенность КНДР в том, что наиболее подходящим вариантом для обеспечения безопасности режима и предотвращения внешнего вмешательства является непрерывное наращивание ракетно-ядерного потенциала. Соответственно, на фоне усиления военного присутствия США, Японии, РК вблизи северокорейских границ Пхеньян предпринимает меры для укрепления собственной обороноспособности, продолжая модернизировать ракетный арсенал и учащая испытательные запуски. Спустя месяц после состоявшихся учений союзников Ким Чен Ын в ходе военного парада, посвящённого 80-летию Трудовой партии, продемонстрировал твёрдотопливную МБР «Хвасон-20», которая, по оценкам экспертов, способна достичь любой точки материковой части США¹³, а 22 октября 2025 г. КНДР произвела успешные испытания новых гиперзвуковых баллистических ракет малой дальности. Таким образом, ситуация вокруг ракетно-ядерной проблемы превратилась в замкнутый круг, когда военная активность треугольника, направленная на «сдерживание северокорейской угрозы», форсирует модернизацию ракетно-ядерного арсенала КНДР.

Однако Такаити Санаэ ясно обозначила намерение продолжать углубление военного сотрудничества по линии Токио–Вашингтон–Сеул. Договорённость о развитии трёхсторонней координации «в интересах регионального мира и стабильности» была подтверждена в ходе личных встреч Такаити с американским лидером Дональдом Трампом и президентом РК Ли Чжэ Мёном. Кроме того, в марте 2026 г. внешнеполитические ведомства США, Японии и РК организовали совместное мероприятие в Праге, посвящённое «противодействию киберугрозам» со стороны Северной Кореи в Европе. Участники форума обсудили «текущую ситуацию с кибердеятельностью Северной Кореи, направленной на обход международных санкций и финансирование ракетно-ядерной программы, включая кражи криптовалюты и деятельность корейских IT-специалистов за рубежом» и подтвердили «важность усиления защиты от киберугроз посредством развития сотрудничества государства с частным сектором»¹⁴.

¹¹ Allies launch dual exercises amid N. Korea's rare twin threats. *The Korea Herald*, Sep 14, 2025. URL: <https://m.koreaherald.com/article/10575122> (accessed: May 6, 2026).

¹² Press Statement issued by Vice-Chairman of WPK Central Military Commission. *KCNA*, Sep 14, 2025. URL: <http://www.kcna.kp/en/article/q/59b4eb9b3cc6925359ade3537d043ec823ac33ef236e878ddcc8df5c8186b3d6.kcmsf> (accessed: May 6, 2026).

¹³ Асмолов К. Первый ракетный пуск КНДР при новом президенте РК. *Новое Восточное Обозрение*, 28.10.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/10/28/pervyj-raketnyj-pusk-kndr-pri-novom-prezidente-rk/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁴ Japan-U.S.-ROK public-private event to counter North Korea's cyber threats in Europe. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Mar 17, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/pressite_000001_02184.html (accessed: May 7, 2026).

Координация усилий Японии с США и РК, помимо нацеленности на сдерживание так называемой северокорейской угрозы, отражает антикитайский и антироссийский характер треугольника. В официальных японских документах, посвящённых обеспечению безопасности, Китай и Россия продолжают фигурировать в списке «главных угроз в АТР» наряду с ракетно-ядерной программой КНДР¹⁵. Особую тревогу Токио вызывает продолжающееся в последние годы сближение на треке Москва–Пекин–Пхеньян. Японские эксперты и политические круги отмечают, что укрепление стратегического партнёрства стран привело к «ухудшению геополитического ландшафта вокруг Японии, которая сталкивается с угрозами безопасности на трёх фронтах»¹⁶. Помимо прочего, Токио рассматривает расширение сотрудничества между Россией, Китаем и КНДР в контексте возможного усиления северокорейского ракетно-ядерного потенциала. Опасения японского руководства заметно возросли после ратификации осенью 2024 г. Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между РФ и КНДР, следствием которого может стать потенциальная передача Северной Корее технологий в военной сфере [Стрельцов 2025]. По мнению японских экспертов, вышеупомянутый Договор «заложил основу для военно-технического сотрудничества Москвы и Пхеньяна, что в перспективе позволит КНДР эффективно развивать ракетную и ядерную программы»¹⁷. С другой стороны, укрепление связей по линии РФ–КНР–КНДР значительно ослабляет политическую и экономическую изоляцию Пхеньяна, что подрывает усилия Токио по «сдерживанию северокорейских ядерных амбиций» через международное давление. Учитывая позитивную динамику в отношениях между Россией, Китаем и Северной Кореей, администрация Такаити, не раз подтверждавшая «серьёзную обеспокоенность политикой соседей»¹⁸, будет стремиться к более тесному трёхстороннему взаимодействию с Вашингтоном и Сеулом.

Возможен ли диалог?

В то же время официальный курс японского правительства формально сохраняет установку на диалог с КНДР, о чём свидетельствуют положения ежегодного доклада МИД Японии – Синей книги по дипломатии за 2025 г. В документе подчёркивается готовность к нормализации отношений с КНДР при условии прекращения дальнейших ядерных и ракетных испытаний и продвижения по одному из наиболее болезненных для Токио

¹⁵ Defense of Japan 2025 (Annual White Paper). Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: May 8, 2026).

¹⁶ Shin Kawashima. Japan's updated defence strategy leaves crucial details to be determined. *East Asia Forum*, Mar 21, 2023. URL: <https://eastasiaforum.org/2023/03/21/japans-updated-defence-strategy-leaves-crucial-details-to-be-determined> (accessed: May 12, 2026).

¹⁷ Hirohito O. Japan-U.S.-South Korea trilateral cooperation in response to the Russia-North Korea partnership. *IOG*, Jul 4, 2024. URL: <https://instituteofgeoeconomics.org/en/research/2024070401/> (accessed: May 12, 2026).

¹⁸ Russia says peace talks with Japan only possible if Tokyo abandons 'anti-Russian course'. *Reuters*, Oct 30, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/russia-says-peace-talks-with-japan-possible-if-it-abandons-anti-russian-course-2025-10-30/> (accessed: Mar 17, 2026).

вопросов – проблеме похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан в 1970–80-х гг.¹⁹.

Готовность японского руководства к прямым контактам с Пхеньяном подтвердил глава МИД Японии Мотэги Тосимицу, отметив, что добиваться нормализации японо-северокорейских отношений Токио продолжит «путём всестороннего решения вопросов, вызывающих озабоченность»²⁰. Тем самым японское правительство подчёркивает, что дипломатический канал не закрыт, но тесно связан с конкретными шагами северокорейской стороны по ракетно-ядерной проблеме и вопросу похищений.

Сама Такаити Санаэ с момента прихода к власти неоднократно выражала приверженность развитию прямого диалога с Ким Чен Ыном для обсуждения проблемы похищенных японцев. Стремление Такаити наладить диалог, включив в повестку столь наболевший для японской стороны вопрос, объясняется несколькими факторами. На личном уровне оно обусловлено желанием премьер-министра укрепить свой политический имидж. Возможный саммит с главой КНДР позволил бы Такаити продемонстрировать образ «решительного» лидера и «законной преемницы» Абэ Синдзо, который считал решение проблемы похищений «делом всей жизни»²¹. Другая причина кроется в стратегических интересах Токио. Северная Корея традиционно не склонна рассматривать Японию в качестве ключевого самостоятельного переговорщика. Неучастие Японии в американо-северокорейских и межкорейских саммитах в 2019 г. ещё более подчеркнуло отсутствие дипломатического веса страны в глазах северокорейского руководства. Соответственно, личная встреча Такаити и Ким Чен Ына может способствовать повышению роли японской региональной дипломатии.

Таким образом, администрация Такаити придерживается курса, в рамках которого сохраняется нацеленность на прямой диалог с Пхеньяном, однако стремление использовать возможный саммит в качестве площадки для продвижения по конкретной проблеме похищенных японских граждан заведомо ограничивает пространство переговоров. Официальная позиция Токио сформулирована однозначно: без урегулирования проблемы похищений нормализация отношений с КНДР невозможна. Другими словами, гуманитарный аспект выведен в разряд предварительных условий, а не сопутствующих элементов переговорного процесса. В свою очередь, Пхеньян демонстрирует глубокое безразличие к обсуждению темы похищенных, поскольку, по мнению северокорейских властей, они уже пошли на существенные уступки в этом вопросе в начале 2000-х гг., получив взамен прекращение связей и дополнительные требования [Дьячков 2021]. Эту точку зрения

¹⁹ Diplomatic Bluebook 2025. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100866935.pdf> (accessed: Feb 12, 2026).

²⁰ Foreign Policy Speech by Minister for Foreign Affairs Motegi to the 221st Session of the Diet. Ministry of Foreign Affairs of Japan, Feb 20, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/pageite_000001_01492.html (accessed: May 14, 2026).

²¹ The domestic roots of Takaichi's North Korea abduction overtures. East Asia Forum, Mar 28, 2026. URL: <https://eastasiaforum.org/2026/03/28/the-domestic-roots-of-takaichis-north-korea-abduction-overtures/> (accessed: May 17, 2026).

подтверждают и заявления руководства КНДР о незаинтересованности в переговорах по «односторонней, давно решённой» проблеме²².

Аналогичная ситуация складывается вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы. Политика японского руководства, сохраняющего приверженность денуклеаризации Корейского полуострова, идёт вразрез с позицией Пхеньяна, заключающейся в том, что вопрос касательно его ракетно-ядерного потенциала «окончательно закрыт и не подлежит дальнейшему обсуждению»²³.

Попытки Японии вести политику «с позиции силы, настаивая на ядерном разоружении Пхеньяна и разрешении проблемы похищенных» подвергаются резкой критике со стороны КНДР²⁴. К тому же санкционное давление и наращивание военного сотрудничества Японии с союзниками в районе Корейского полуострова рассматриваются северокорейским руководством как «враждебная политика». Тем не менее, совершенно очевидно, что администрация Такаити не собирается отступать от нынешнего курса в отношении Пхеньяна, что сводит к нулю возможность проведения японо-северокорейского саммита в обозримом будущем.

Заключение

Курс администрации Такаити Санаэ в отношении КНДР сочетает два разноплановых, но традиционно совместимых в японской политике на северокорейском направлении вектора. С одной стороны, Токио усиливает политику сдерживания так называемой северокорейской угрозы в свете планомерного роста ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна. С другой – японское правительство формально ориентировано на возобновление диалога с северокорейским руководством.

Стратегия противодействия КНДР при администрации Такаити базируется на комплексном подходе: помимо поддержки устоявшегося санкционного режима, основной акцент сместился на развитие военных инструментов сдерживания, как собственными усилиями, так и в рамках треугольника Япония–США–РК.

С приходом к власти Такаити обозначились тенденции к ускоренному наращиванию Японией собственного оборонного потенциала, что подтверждают инициативы премьер-министра, в том числе перспектива пересмотра 9-й статьи Конституции. Стремление Токио к приобретению большей самостоятельности в вопросе обеспечения собственной безопасности обусловлено ухудшением стратегической среды вокруг Японии: помимо развития ракетно-ядерной программы КНДР, японское руководство рассматривает в качестве основных региональных «угроз» Китай и Россию и выражает серьёзную озабоченность в связи с укреплением связей по линии Москва–Пекин–Пхеньян. Стратегическую нестабильность для Японии в АТР усиливают опасения относительно второго президентского срока Трампа,

²² Sister of Kim Jong Un takes negative stance toward Takaichi's desire to meet Kim. *NHK World-Japan*, Mar 23, 2026. URL: https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/20260323_20/ (accessed: May 17, 2026).

²³ КНДР считает вопрос денуклеаризации окончательно закрытым. *TACC*, 11.07.2026. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27907793> (дата обращения: 27.07.2026).

²⁴ Ким Ен Ун. Япония стремится вести разговор с КНДР с позиции силы. *ИКСА РАН*, 29.03.2024. URL: <https://www.icaras.ru/news/yaponiya-stremitsya-vesti-razgovor-s-kndr-s-pozitsii-sily.html> (дата обращения: 17.05.2026).

внешнеполитический курс которого отличается непредсказуемостью и транзакционным подходом. В этих условиях Токио не может полагаться исключительно на американские гарантии безопасности, поэтому администрация Такаити продолжит двигаться в сторону наращивания собственных оборонных возможностей.

Тем не менее, японо-американский альянс по-прежнему является краеугольным камнем в оборонной политике Японии и играет ключевую роль в стратегии сдерживания КНДР. Администрация Такаити сохраняет курс на углубление сотрудничества в области безопасности с Вашингтоном при одновременной координации действий с Сеулом. Платформой для объединения усилий на северокорейском направлении остаётся треугольник Япония–США–РК, в рамках которого политика противодействия Пхеньяну приобрела многоуровневый характер: стороны вырабатывают согласованный подход в отношении ракетно-ядерной программы КНДР, поддерживая усиление экономического давления, развивая каналы обмена разведанными и наращивая военную активность в районе Корейского полуострова.

Вместе с тем Такаити стремится совместить силовой компонент политики в отношении Северной Кореи с открытой дипломатической инициативой, не выходя за рамки национальных приоритетов безопасности. Для Японии такая позиция подразумевает включение вопросов, связанных с ракетно-ядерной программой КНДР и судьбами похищенных японских граждан, в повестку возможного саммита. Хотя риторика Такаити по поводу готовности к личной встрече с Ким Чен Ыном выглядит как открытость к диалогу, рамки переговоров определены заранее. С точки зрения северокорейской стороны, считающей данные темы давно закрытыми, переговоры с Токио в подобном формате лишены смысла. Следовательно, сценарий, в котором инициатива Такаити получит практическое продолжение, едва ли осуществим. Как представляется, дипломатическая составляющая премьер-министра на северокорейском направлении будет строиться вокруг выработки общей стратегии и координации позиций с союзниками, а не поиска путей для достижения диалога с Пхеньяном. Основной же акцент сохранится на многоуровневом сдерживании КНДР посредством дальнейшего развития собственных оборонных возможностей Японии и укрепления сотрудничества с Вашингтоном и Сеулом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гринюк В.А. Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР // Ежегодник Япония. 2006. № 35. С. 55–70.
- Дьячков И.В. Взаимные исторические претензии КНДР и Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 78–91. DOI 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91
- Жебин А.З. О перспективах отношений США с КНДР // Власть. 2025. Т. 33. № S4. С. 99–111.
- Кистанов В.О. Япония и КНДР: будет ли нормализация отношений? // Проблемы Дальнего Востока. 2026. № 1. С. 5–25. DOI 10.55105/2500-2872-2025-3-5-25
- Кистанов В.О. Внешняя политика Японии в эпоху Трампа 2.0: будут ли перемены? // Японские исследования. 2025. № 3. С. 51–62. DOI 10.55105/2500287220253525
- Стрельцов Д.В. Японо-американские отношения в сфере безопасности при кабинете Исибы: новый вектор развития? // Россия и АТР. 2025. № 2. С. 126–145. DOI 10.24412/1026-8804-2025-2-126-145

Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В. Семинар «Япония на этапе политической турбулентности»
// Японские исследования. 2025. № 4. С. 154–172. DOI 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172

REFERENCES

- Dyachkov I.V. (2021). Vzaimnyye istoricheskiye pretenzii KNDR i Yaponii [Mutual historical accusations between the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2: 78–91. (In Russian). DOI 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91
- Grinyuk V.A. (2006). Problema “pokhishchennykh yapontsev” v otnosheniyakh Yaponii i KNDR [The problem of the «abducted Japanese» in Japan-DPRK relations]. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 35: 55–70. (In Russian).
- Kistanov V.O. (2026). Yaponiya i KNDR: budet li normalizatsiya otnosheniy? [Japan and North Korea: will there be a normalization of relations?]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 1: 51–62. (In Russian). DOI 10.7868/S2712909826010048
- Kistanov V.O. (2025). Vneshnyaya politika Yaponii v epokhu Trampa 2.0: budut li peremeny? [Japan's foreign policy in the era of Trump 2.0: will there be any changes?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3: 5–25. (In Russian). DOI 10.55105/2500-2872-2025-3-5-25
- Streltsov D.V. (2025). Yaponno-amerikanskiye otnosheniya v sfere bezopasnosti pri kabinete Isiby: novyy vektor razvitiya? [Japanese-American security relations under the Ishiba cabinet: a new vector of development?]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2: 126–145. (In Russian). DOI 10.24412/1026-8804-2025-2-126-145
- Streltsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V. (2025). Seminar «Yaponiya na etape politicheskoy turbulentnosti» [Seminar «Japan at the stage of political turbulence»]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4: 154–172. (In Russian). DOI 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172
- Zhebin A.Z. (2025). O perspektivakh otnosheniy SSHA s KNDR [Prospects of the USA–DPRK relations]. *Vlast'* [Power], S4 (33): 99–111. (In Russian).
- * * *
- Matsuda T. (2023). Japan's emerging security strategy. *The Washington Quarterly*, 46 (1): 85–102. DOI 10.1080/0163660X.2023.2190218
- Bradford J. (2021). Japan takes the lead in Western Pacific maritime security. *Asia Policy*, 2 (16): 81–102. URL: <https://www.jstor.org/stable/27023972> (accessed: Apr 25, 2026).

Поступила в редакцию: 10.06.2026
Принята к публикации: 28.07.2026

Received: Jun 6, 2026
Accepted: Jul 28, 2026